

Общие проблемы
политической концептологии

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
И ПРОБЛЕМА «МЕСТНОГО ЗНАНИЯ»**

Б.А. Камкия
Сочинский институт
Российского университета дружбы народов

Аннотация: *Центральной в данной статье является проблема политического контекста. Автор видит своей задачей обсуждение исходных посылок Роберта Гудина и Чарльза Тилли при постановке проблемы политического контекста и сопоставление их с некоторыми конкретными исследованиями российского контекста. Также подробно рассматривается работа Джеймса Скотта.*

Ключевые слова: *политическая наука, политический процесс, политологическое сообщество.*

I.

В 1999 г. был издан перевод на русский язык книги «Политическая наука: новые направления» под редакцией Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. На английском языке она была выпущена в 1996 г. издательством Oxford и сразу стала одним из самых читаемых в мире учебников по политологии. В предисловии русского издания научный редактор Е.Б. Шестопал сопоставила мировой и российский уровень политической науки и отметила: книга поможет российским политологам продвинуться по пути создания более высоких научных стандартов. В России до сих пор существует тенденция пренебрежения к западному опыту развития политической науки, отказа от эмпирического исследования политического процесса и замене его схемами цивилизационных циклов. Провинциализм — важная характеристика политических процессов в России, поскольку русская власть во всех её формах и на всех уровнях с недоверием относится к гражданам. Это выводит российскую политику за рамки современности. Эkleктизм — главная характеристика российского политологического общества, методологическая рефлексия встречается редко. Большинство российских политологов привыкли обслуживать интересы власти и властвующей партии. В российской политической культуре до сих пор господствует традиция зависимости учёных от власти. Однако польза для практики от политической науки прямо пропорциональна её независимости и неангажированности [Шестопал 1999: 9–18].

Прошло 15 лет. В настоящее время члены Российской ассоциации политических наук обсуждают проблему профессионализма в политической науке. А.Ю. Мельвиль опять отмечает, что в мировой политической науке сложилась устойчивая традиция теоретико-методологических исследований, опирающихся на строгие методы и базы данных. Таких исследований в России до сих пор нет. «Родовая травма» российской политологии — незнание строгих методов и неумение работать с эмпирическими базами данных [Мельвиль 2014].

Чтобы изменить ситуацию, надо осваивать новейшие теоретико-методологические исследования, которые опираются на синтез строгих методов с эмпирическими базами данных; а затем сопоставить выводы данных исследований с трудами российских учёных, в которых содержится анализ различных сфер современного российского общества, государства, политического режима и политической науки. Эта статья — наш первый шаг в указанном направлении.

В 2000-е годы издана новая серия Оксфордских учебников по различным аспектам политической науки. Авторами отдельных томов являются известные учёные из различных стран мира. В этой серии вышел капитальный том под названием «Контекстуальный политический анализ», редакторами которого являются Роберт Гудин и Чарльз Тилли. Они же написали введение к книге [Tilly, Goodin 2006: 3–34]. Никакой реакции на эту серию в политической науке России мы не встречали. Поэтому задача нашей статьи минимализируется — обсудить исходные послышки Роберта Гудина и Чарльза Тилли при постановке проблемы политического контекста и сопоставить их с некоторыми конкретными исследованиями российского контекста.

II.

Ч. Тилли и Р. Гудин вначале описывают ситуацию, которая сложилась в румынской деревне Влайку в середине 1990-х гг. Там поселилась американский антрополог Кэтрин Вердери, писавшая отчеты о происходивших в деревне событиях и процессах. Ч. Тилли и Р. Гудин используют этот материал для формулировки исходной проблемы политического контекста.

В 1994-ом году правительство Румынии и жители деревни Влайку столкнулись с проблемой приватизации колхоза. В 1945–1959 гг. правительство Румынии вслед за СССР провело принудительную коллективизацию. Во Влайку создали колхоз. Социализм в Румынии просуществовал с 1959 г. по 1989 г. За тридцать лет многие крестьяне уехали в города на заработки. Число жителей деревни и владельцев земельных участков сократилось. Но после падения социализма жители деревни начали претендовать на свои прежние земельные участки. В 1994 г. земельная комиссия была вынуждена решать — кто, когда, по какому праву предъявил претензии на землю. Это переросло в трагедию [Там же: 4]¹, которая обнаружила популярное понимание политики. Большинство понимает политику как борьбу за права, за

¹ «Заходит Сиву и кричит, что он сотворит, если вопрос не будет решён в его пользу. У него есть земельный участок в Филигоре, и он требует его замерить. Мэп говорит, что уже сделал это. Они снова и снова повторяют это друг другу. Мэп злится из-за требований повторных замеров: „Мы так никогда здесь ничего не закончим, если нас будут постоянно просить всё перемерить!“. Одна женщина просит его произвести замеры в Лунка. Он отвечает: „Мы всё уже сделали. Если нам придётся вернуться, то мы ещё недели две оттуда не выберемся“. Сиву кричит: „Мне не нужно чужого. Я хочу только то, что моё!“. Он обращается к Комту: „Взгляни мне в глаза, ты же мой крёстный отец. Мне не нужно ничего чужого. Я прошу только дать мне только то, что моё. Я купил землю у Георге, мой участок рядом с участками Аны и Константина. Если вы не отдадите мне мой участок, то я... Я устрою такое, чего никто во Влайку сроду не видел!“. (Прим.: Сиву — крестьянин, Мэп — агроном местной земельной комиссии, Комт — член земельной комиссии. Сиву купил земельный участок у Георге, по соседству с участками Анны и Константина. Он хотел, чтобы власти юридически заверили его право владения данным земельным участком, а топограф и агроном точно провели границы участка. Чтобы предотвратить вероятность незаконного вторжения соседей на участок Георге при вспашке, они должны твердо знать, где кончаются их участки и начинается его участок).

возмещение ущерба, за защиту от местных чиновников, а не как столкновение политических доктрин и организаций. Реализация так понятой политики прямо зависят от контекста.

В приведенном случае главную роль играет понятие собственности. Но это не абстрактная собственность, о которой пишут в конституциях и юридических актах. Наблюдая за ситуацией в румынской деревне, К. Вердери зафиксировала конфликт интересов между заверенными государством правами и обязанностями и местными социальными отношениями. В свою очередь Тилли и Гудин для описания данной ситуации предлагают рассматривать понятие собственности как культурную систему, совокупность социальных отношений и организацию власти. Иначе говоря, политологи помещают указанную ситуацию в контекст экономической антропологии.

При рассмотрении данного вопроса румынская бюрократия приняла генеалогическую концепцию земельного права и проигнорировала существенный факт: кто на самом деле обрабатывал тот или иной участок в период социализма, кто заботился о его пожилых бывших владельцах и т. д. С точки зрения бюрократии все родственники (братья, кузены, тёти) обладают равными правами на доли в приватизируемой собственности. Однако юридические доводы столкнулись с местными моральными устоями. Жители деревни понимали родство иначе. Для них это понятие означало совпадение слов с поступками. Быть родственником — значит «вести себя, как родственник» (участвовать в свадьбах, крещениях, похоронах, приносить цветы на могилы родственников, помогать деньгами или другим способом, заботиться о старших, даже о тех, кто не является родителями) в обмен на наследование их земли.

В результате применения генеалогической концепции земельного права к реальной ситуации распределение приватизированной земли воспроизвело местную бюрократическую иерархию, установившуюся после краха социалистического строя: на вершине находилось колхозное начальство, затем шли колхозники, а фактические землевладельцы оказались в самом низу. Так обстоит дело везде при крахе социалистического государственного строя. В такой ситуации индивиды начинают использовать свои знания для того, чтобы заполучить осколки разрушающейся системы. Всё это даёт громадные преимущества бывшему директору фабрик и заводов, государственной бюрократии, службам безопасности и руководству колхозов и совхозов. А обычные жители страны не имеют за душой ничего, кроме воспоминаний, родственных связей, доказательств и угроз. На этой основе обостряется проблема контекста политической жизни и деятельности, — такова общая констатация Тилли и Гудина. Проследим кратко их аргументы.

Если считать, что постсоветская приватизация следовала законам рынка, то невозможно описать и объяснить, что происходило на самом деле. По сути бывшие государственные ресурсы, которые по конституциям социалистических стран принадлежали всему народу, превратились в частную собственность. Так была реализована вопиющая несправедливость, которую не в состоянии предотвратить системы существующего права. На протяжении 1990-х гг. социальные процессы в бывших странах «советского блока» сильно зависели от политического контекста. В его состав входят переговоры, типы оспариваемых ресурсов, процесс приватизации, доказательства права собственности на них и личная компетенция. Но главная проблема политического контекста является универсальной для всех постсоциалистических стран: произошло воспроизводство прежних отношений между жителями и государственными чиновниками. Если же перейти от ситуации в деревне к более важной проблеме отношения между политической властью и правами на частную собственность в целом, то нетрудно увидеть множество других связей и зависимостей. К ним относятся исторические, правовые, культурные, демографические, технологические, физиологические, идеологические, онтологические и эпистемологические факторы. Аналитики политических процессов должны установить, кому реально в данной стране принадлежат права на ресурсы.

Тилли и Гудин указывают, что после краха Советского Союза было проведено множество политологических исследований в сфере демократизации и авторитаризма, гражданских

войн и войн между государствами, революций и восстаний, национализма, этнической мобилизации, политических акций, парламентов и правительств различных стран. Всё это ставит проблему контекста, которая включает вопросы: когда, где, при каких условиях, в какой обстановке, с какими убеждениями относительно исследуемых процессов? Тилли и Гудин полагают, что конкретные вопросы контекста можно описать и объяснить. Для формулировки законов контекста надо обладать системным знанием политических процессов. В целом можно различать три вида влияния контекста: на понимание аналитиком политических процессов; на доказательства, доступные для эмпирического исследования политических процессов; на сами процессы. Эти виды взаимодействуют между собой. Иначе говоря, политические процессы зависят от контекста в той мере, в которой они систематически изучаются путём описания и объяснения. В аспекте описания политологи сделали значительный вклад в знание путем получения верных доказательств, разработки надёжных средств для выявления участников политических конфликтов, выяснения, где и в какой период времени были (не были) успешны различные виды избирательной системы, проверки оснований правительственных доктрин (теорий, учений, мировоззрений) и т. д. Объяснение причинно-следственных связей политических процессов помогает политологии развиваться и составлять более точные прогнозы о вероятных последствиях конкретного политического вмешательства. Чем лучше составлено описание и объяснение, тем лучше будет сформирована теория и практика.

В этой связи Тилли и Гудин показывают, что на протяжении последних десятилетий внимание политологов было приковано к двум противоположным подходам к проблеме контекста — поиску общих законов и постмодернистскому скептицизму.

1. Для установления реальных закономерностей политических процессов надо исключить любое влияние контекста, поскольку решающим критерием нормальной социологии является причинно-следственная связь. Указанное требование выражается в следующих конкретных действиях: ассимиляции научного метода с помощью статистического взгляда на мир на основе общей линейной модели; согласия с гипотезой о том, что фундаментальные причины политических процессов состоят из переменных; определении отклонения влияния механизмов как причины явлений; рекомендации проводить множество малых исследований на основе множества больших исследований, которые позволяют объяснить, как установить общие законы, распространяющиеся на частные случаи.

2. Контекст как объект политического анализа — это сложное, неуловимое явление, которое надо максимально точно интерпретировать. Поэтому поиск общих законов рассматривается как иллюзия политологов, которые пали жертвой собственного погружения в контекст. Антрополог Клиффорд Гирц так формулирует закон погружения в контекст: «Закон, — это не нечто претенциозное типа того, что обсуждается в Палате Лордов. Это некое *местное знание* (выделено мной, — Б.К.). Местное не потому, что оно относится к определённому месту, времени, классу и разновидности проблем, а потому, что в нем акцентируется его укоренённость в народе и связь с народными представлениями. Это комплекс характеристик, мечтаний, историй и событий в образах и принципах. Я называю его «правовой чувствительностью» [Там же: 8]. Приверженцы скептицизма Гирца собрали серьёзные основания для опровержения стандартных представлений о политических процессах, но пока не систематизировали свои познания контекста, изменчивости культур и видов политического строя.

Ч. Тилли и Р. Гудин обосновывают промежуточную позицию в понимании проблемы контекста. Она предполагает выбор между позитивизмом и конструктивизмом, открытием законов и герменевтикой, общими и местными знаниями, редукционизмом и холизмом. В любом случае существует потребность в универсальных принципах, которые ограничиваются особыми социальными контекстами. Надо описать и объяснить тот факт, что политические явления не в состоянии выйти за пределы особых социальных контекстов. Для такого описа-

ния Тилли и Гудин фиксируют предельные случаи каждого подхода². Вокруг перечисленных «точек зрения» сходятся перспективы и дискуссии разных социальных групп. Если некая часть нашего онтологического мира возникает при помощи указанных видов социального конструирования, то мы нуждаемся также в эпистемологии, способствующей пониманию механизмов социального устройства. Контекстуальный политический анализ является смешанной когнитивной стратегией — такова главная посылка тома под редакцией Тилли и Гудина.

А мы пока суммируем те моменты исследования Ч. Тилли и Р. Гудина, которые можно сопоставить с конкретным анализом российской реальности. В постсоветском мире существует конфликт интересов между заверенными государством правами и обязанностями и местными социальными отношениями. Для описания данного конфликта надо рассматривать понятие собственности в категориях экономической антропологии, а не существующей системы законов. В постсоветском мире законы попираются властью и не соответствуют местным моральным устоям. Фактическая приватизация воспроизвела местную бюрократическую иерархию, установившуюся после краха социалистического строя. Во всех постсоциалистических странах воспроизводятся прежние отношения между жителями и государственными чиновниками. Контекст связан с местным знанием.

Итак, суть главной посылки тома, посвящённого контексту политического анализа, сводится к пространственно-временной локализации всех социально-политических событий и процессов. Под углом зрения указанных постулатов можно анализировать реальность. Под «реальностью» мы будем иметь в виду два её уровня: все страны бывшего советского блока; Россию. Попытаемся описать смыслы данной посылки на обоих уровнях.

III.

Прежде всего обратим внимание на сходство главной посылки Тилли и Гудина с конкретным исследованием рыночной трансформации стран бывшего советского блока в работе А. Ослунда [Ослунд 2003]. Он показал, что главная драма посткоммунистической трансформации сводится к борьбе между сторонниками рынка и рантье, которые сосредоточены в государственном аппарате и стремятся сохранить условия для извлечения ренты. На протяжении 1990-х гг. выявилось три пути преобразований:

1. Реформаторам (Польша, Венгрия) удалось построить демократические государства с динамично развивающейся экономикой.

2. Рантье (Россия, Украина) удалось достичь лишь частично демократической государственной структуры и приватизированной экономики. Укрепились процессы, направленные на извлечение экономической ренты, а темпы роста незначительны.

3. Противники реформы (Узбекистан, Турмения) установили диктаторские режимы, в которых экономика находится под контролем государства и преобладает государственная форма собственности. Последние две группы стран оказались в ловушке нестабильности системы.

В главе 9 под названием «Государство и политика в переходный период» А. Ослунд анализирует множество конкретных проблем стран бывшего советского блока: коррупция и власть (вмешательство государства и коррупция, коррупция и размеры госаппарата, перво-причина коррупции, захват контроля над государством, стратегия борьбы с коррупцией, рост

² Сторонники первого из них могут наталкиваться на устойчивые закономерности, подобные законам. Например, отношение между инфляцией и безработицей по кривой Филлипса (форма этой кривой кажется постоянной, даже если её фактические значения должны быть рассчитаны по каждому периоду). С другой стороны, следует упомянуть закон Дюверже о том, как возникают и поддерживаются правила голосования большинства в двухпартийных избирательных системах. Встречаются факты, когда действия подтверждаются словами (типа написания конституции), в которых воплощены общие соглашения. Из всего этого участники политического процесса создают юридические фикции типа суверенитета.

преступности в переходный период); на кого работает государство (демократия или диктатура, важность демократии для экономической трансформации, влияние правил проведения выборов на формирование партий, финансирование избирательных кампаний); реформирование государства (выбор формы правления, реформа деятельности правительства, реформа гражданской службы, контроль за деятельностью правительства на основе конкуренции); выборы и реформа (незначительная поддержка коммунистов, выборная ловушка незавершенных реформ, отношение населения к экономическим реформам); политическая стабильность и реформы (государственная стабильность и коалиции, слабый общественный протест, войны); гражданское общество и политическая конкуренция (значение идеологий и общенациональных целей). В итоге А. Ослунд приходит к выводу: люди должны научиться контролировать государство, поскольку государственные аппараты посткоммунистических стран (за незначительным исключением) являются «хищниками» [Там же: 513].

Для контраста сразу отметим, что В.П. Макаренко определяет бюрократию как социальный организм-паразит [Макаренко 2011]. Значит, в целях погружения в контекст российской действительности надо установить сходства и различия между паразитарным и хищническим содержанием деятельности государственного аппарата во всех направлениях его деятельности.

Теперь обратим внимание, что Ч. Тилли и Р. Гудин начинают свой анализ контекста с описания ситуации в румынской деревне после роспуска колхоза. Но является ли колхоз румынской или российской достопримечательностью? Ведь многие государства в XX веке пытались преобразовать социальную действительность. Колхозы возникли как частный случай этой общей тенденции. Именно на основе анализа причин краха государственных проектов (включая колхозы) Д. Скотт ввёл в социальные науки понятие «местного знания», которое он противопоставляет имперскому знанию [Макаренко, Рюмшина 2013]. При постановке проблемы политического контекста Ч. Тилли и Р. Гудин ссылаются на концепт «местного знания» Д. Скотта, но детально его не рассматривают. Между тем Д. Скотт показал, что в природе и обществе существуют провалы неадекватных и стереотипных упрощений, навязанных государственной властью. Примерами таких провалов являются история сельскохозяйственной коллективизации и промышленного производства в СССР, Китае и государствах Африки, а также запланированных городов в Бразилии. Все они закончилось крахом. Анализ комплекса причин данного краха составляет основной предмет работы Д. Скотта, в которой он разработал концепт местного знания — исходный пункт обсуждения проблемы политического контекста. Надо вникнуть в содержание данного концепта, хотя наше описание будет ограничено целью статьи [Скотт 2005: 491–566]. Тем более что Д. Скотт в своей книге анализирует всю мировую практику социального переустройства на протяжении последних трехсот лет.

IV.

На основе анализа краха государственных утопий Д. Скотт приходит к выводу: чтобы удержаться, официальный государственный порядок всегда *паразитирует* на не признаваемых формальной схемой неофициальных процессах, без которых он не мог бы существовать и которые не может сам создавать или поддерживать. Показательным примером такого паразитирования для Скотта служит сравнение двух фабрик в социалистической ГДР перед разрушением Берлинской стены в 1989 г. На руководство фабрик давили, чтобы они выполняли план, несмотря на старые механизмы, плохое качество сырья и недостаток запасных частей. При таких условиях фабрики вынуждены были держать в штате двух служащих: мастера на все руки (он мог поддерживать в рабочем состоянии механизмы, исправлять или маскировать производственный брак, экономить запасы сырья) и махинатора (тот находил, покупал, выменивал запасные части, машины и сырье, которые невозможно было своевременно получить по официальным каналам). Едва перед предприятием вставала угроза невыполнения плана

из-за отсутствия нужных приборов или инструментов, эти умельцы пересекали страну на своих «Грабантах», забитых всем необходимым для обмена. Функции этих людей не были предусмотрены в официальном перечне работ организации. Однако для выживания фабрик их умения, знания и опыт значили больше, чем чьи-нибудь другие.

Ключевым элементом социалистической централизованной плановой экономики была неофициальная комбинация мастерства с махинаторством, в основе которой находилось некое знание. Задача Скотта состоит в осмыслении практических навыков, которые называются умением, здравым смыслом, опытом, ловкостью или метисом. Рассмотрим вначале когнитивные свойства данного знания.

Греческое слово «метис» означает множество практических навыков и приобретённых сведений в связи с постоянно меняющимся природным и человеческим окружением³. Чисто эмпирическая природа метиса не позволяет исследовать подобные навыки. Этот вид знания почти не поддаётся передаче в письменной или устной форме без непосредственной практики. Метис применим к схожим, но никогда не идентичным ситуациям, требующим быстрой реакции. Метис сопротивляется его упрощению в дедуктивные принципы, которые могут быть переданы с помощью изучения по книгам. Контексты применения метиса сложны и неповторимы, поэтому формальные процедуры принятия рационального решения становятся невозможными. Метис заполняет пространство между гениальностью, к которой невозможно применить формулу, и кодифицируемым знанием, которое можно выучить наизусть.

Суть метиса — знание способа и времени применения практических правил в конкретной ситуации. Практический опыт лоцмана в местном масштабе важнее общих правил навигации. Практика и опыт всегда носят местный характер. В отличие от общего знания местное знание является заинтересованным. Метис представляет собой способность и опыт, необходимые для того, чтобы привести к положительному результату в конкретном случае.

Скотт поясняет, что знание о лесоводстве, революции, городском планировании, сельском хозяйстве и поселении полезно для понимания конкретного леса, революции и фермы только до определённой степени. Всё сельское хозяйство существует в определённом месте (поле, почва, культуры), времени (погодные условия, время года, смена популяций вредителей), целевых объектах (потребности и вкусы семьи). Механическое применение общих правил, которое игнорирует эти особенности, приводит к практическим неудачам и социальному разочарованию. Общая формула не даёт и не может давать местного знания, которое делает возможным преобразование общих представлений в успешное и детальное приложение в местном контексте. Чем более общими оказываются правила, тем более подробного перевода на язык местных обстоятельств они требуют.

Скотт сопоставляет метис с эпистеме и техне как разновидностями прагматично-технического знания. Прагматично-техническое знание может быть выражено в форме строгих правил, принципов и заключений, основано на логическом выводе из самоочевидных постулатов. Техне отличается от метиса по способам получения, кодификации, преподнесения, модификации и аналитической точности. Метис контекстуален, техне универсально, поскольку организовано с помощью простых, ясных и логических переходов и поддаётся анализу и проверке. Знание в форме техне можно преподавать как формальную дисциплину. Законы техне дают теоретическое знание, которое может иметь и не иметь практическое приложение. Техне характеризуется безличной, часто количественной точностью и требует объяснения и про-

³ Все человеческие действия требуют метиса. Начиная с навыков приспособления к физическому окружению, на запасе метиса основывается знание того, как управлять судном, запускать бумажного змея, ловить рыбу, стричь овцу, водить автомобиль или ездить на велосипеде. Каждый из этих навыков требует глазомера, который приходит в результате практики и умения «читать» волны, ветер или дорогу и соответствующим образом управлять своим поведением. Эти навыки трудно преподавать, не прибегая к практике. Можно составить инструкции, как ездить на велосипеде, но они не позволят новичку поехать на велосипеде с первой попытки. Непрерывные и почти незаметные приспособления, необходимые для езды на велосипеде, постигаются в процессе самой езды. Навык станет автоматическим только благодаря приобретённому «чувству» равновесия в движении.

верки, а метис связан с личным навыком, возможностью «потрогать» и практическими результатами.

Правила техне учат кодифицировать, выражать и проверять знания, но только после их обнаружения. Правила техне не могут объяснить научного изобретения и его сути. Открытие математического закона требует гениальности и метиса, но его доказательство должно следовать принципам техне. Методичные и объективные правила техне способствуют получению знания, которое может быть организовано, подтверждено и допускает формальное преподавание, но оно не может объяснить, как оно появилось.

Кроме того, техне является характеристикой отдельных систем рассуждения, в которых выводы могут быть логически получены из начальных предположений. Степень, до которой форма знания удовлетворяет этим условиям, есть уровень её объективности, универсальности и невосприимчивости к контексту. Но контекстом метиса всегда оказываются временные, изменчивые, неоднозначные и сбивающие с толку, ситуации которые не поддаются точной оценке, строгому анализу и твёрдой логике. Проблема в том, что некоторые реальные возможности не могут быть полностью отражены системой универсальных правил. Аристотель выделил навигацию и медицину как два вида деятельности, в которых практическая мудрость, связанная с большим опытом, обязательна для наилучшего выполнения работы. Открытия метиса практичны, контекстуальны и привязаны к конкретному времени, а научные рассуждения обещают обобщённые решения.

Безошибочным показателем для метиса является практический успех. Если для поставленной цели метод работает эффективно и с неоднократно повторяющимся эффектом, носители метиса не задумываются, почему и как он действует и каков механизм его действия. Их намерение состоит не в том, чтобы внести свой вклад в сумму знаний, им нужно решить стоящие перед ними конкретные проблемы. Сила практического знания зависит от скрупулёзного изучения окружающей среды. В этом смысле традиционные земледельцы являются превосходными наблюдателями по двум основным причинам: жизненной важности тщательных наблюдений и бедности.

«Пытливый характер донаучных людей, формируемый смертельными опасностями, — пишет Скотт, — привёл ко многим важным открытиям» [Скотт 2005: 513–514]. Три четверти современной фармакопеи — производные традиционно известных медицинских средств. Объединение жгучего интереса, тщательного наблюдения, большого количества специалистов-энтузиастов, пробующих различные возможные варианты, и времени, необходимого для проведения опытов и исправления возможных ошибок, дало множества новых решений практических проблем. Метис с его упором на практическое знание, опыт и стохастическое рассуждение не является предшественником научного знания. Это способ рассуждения, наиболее соответствующий сложным материальным и социальным задачам, где неопределённость настолько велика, что надо доверяться основанной на опыте интуиции и проверять каждый шаг.

Неопределённость — существенная характеристика метиса. Информация метиса настолько неявна и произвольна, что его носитель не может объяснить, чем он руководствуется. Метис относится к деятельности врачей и ремесленников, для которых значима интуиция. Эти навыки можно назвать «профессиональными хитростями» (не в смысле ввода в заблуждение), которыми обладают наиболее «искусные» практикующие специалисты. Нет никакой замены метису, когда нужны быстрые суждения высокой (но не совершенной) точности, когда важно оценить ранние признаки, которые подскажут, насколько хорошо или плохо идут дела.

Д. Скотт отвергает термин «традиционное знание», поскольку он отражает господство узкого понимания науки, современности и эволюции. Современные исследовательские учреждения, сельскохозяйственные экспериментальные станции, поставщики удобрений и техники, проектировщики планов города, разработчики планов развития стран третьего мира и чи-

новники Всемирного банка проложили себе узаконенный путь преуспевания в значительной степени систематическим очернением практического знания — метиса.

И.

Затем Скотт анализирует социальный контекст метиса на основе полевых исследований и формулирует два парадокса: метис не распределяется демократически; развитие и передача метиса зависят от ключевых моментов жизни доиндустриального общества. Социальные основы метиса исчезают под влиянием средств передвижения людей, товарных рынков, образования, профессиональной специализации и средств массовой информации. Но ошибочно полагать, что разрушение метиса — непреднамеренный и неизбежный продукт экономического прогресса. Наоборот: государство и бюрократический капитализм сознательно разрушают метис и заменяют его узаконенными сверху стандартными формулами. В этом смысле исчезает различие между капитализмом, социализмом и колониализмом. Местное знание заменяется местным контролем. Такова общая предпосылка государственных проектов, административного порядка, финансового управления, трудовой дисциплины и прибыли. Скотт детально прослеживает сходство между указанными видами практики.

Прибыль требует комбинации эффективности и контроля. Но эффективность и контроль несовместимы. Эффективность в лучшем случае создаёт потенциальную прибыль. Без контроля капиталист не может превратить эту прибыль в реальную. Поэтому усиления контроля становится самоцелью, даже если оно идёт во вред контролю производительности и эффективности. С точки зрения контроля существует параллель между капиталистическим способом производства и социалистическим колхозом. Провал тейлоризма произошёл потому, что эта система не учитывала метис — практическое приспособление опытного рабочего, направленное на компенсацию небольших изменений в материале, температуре, износа или неисправности механизма, технических сбоев и т. д. Провал колхоза произошёл потому, что он отождествился с государственным присвоением и контролем. Государство всегда и прежде всего заинтересовано в присвоении и контроле, и потому предпочитает оседлую форму сельского хозяйства пастбищному хозяйству или переложному земледелию. Государство предпочитает плантации и колхозы, поскольку они предлагают контроль над рабочей силой и доходом, выбором культур и методов их возделывания, продукцией и прибылью хозяйства, но редко бывают эффективными [Шубин 2008: 214]⁴. Однако современные альтернативы колхозу отражают такой же контроль и стандартизацию. Примером может служить контрактное сельское хозяйство. Его логика воспроизводит логику корпораций. Согласно требованиям внутреннего или международного рынка корпорация нуждается в абсолютной гарантируемой однородности и надёжности поставки продукции. Поэтому цель контрактного хозяйства состоит в том, чтобы преобразовать ферму и её работников так, чтобы они соответствовали сетке контракта. Теоретически работающие по контракту фермеры являются предпринимателями мелкого бизнеса. А практически они рискуют своей землёй и постройками, и не больше располагают своим временем, чем рабочие сборочного конвейера.

⁴ Примером может служить история Агрпрома в последние годы СССР: «Руководители большинства смежных с сельским хозяйством отраслей не расходились с Горбачевым в необходимости индустриализации сельского хозяйства. Но их концепция исходила не из одномоментного переустройства управления сельским производством на началах всеобщей рационализации и «стирания различий между городом и деревней», а из обратного — превращения сельскохозяйственных предприятий в организующие анклав на себе, *постепенно упорядочивающие сельскую жизнь в соответствии с ритмом налаженного промышленного производства*» [Шубин 2008: 214; курсив наш, — Б.К.].

VI.

Выводы Скотта однозначны: имперское знание противостоит метису и не может существовать без поддержки государства. Комбинация претензии имперского знания на универсальность и авторитарного проектирования социальной жизни крайне опасна для человека. Такая комбинация имела место в планировании городов, в ленинском понимании революции, в эпоху коллективизации в Советском Союзе и в Китае, в виллажизации в Танзании. Она же скрыта в логике научного сельского хозяйства и в колониальной практике. Все эти схемы рушатся в момент, когда достигают почти полного успеха.

Имперское знание не признает никакого иного знания и претендует на универсальность. Империи Нового времени нанесли непоправимый вред человеческому сообществу и жизни человека. Ущерб стал ещё больше, когда политические лидеры пришли к выводу, что люди — это чистые листы, на которых новый режим может писать. Однако высокий модернизм притягателен для интеллигенции и людей, имеющих причины ненавидеть прошлое. Колониальные модернизаторы употребляли власть для преобразования населения, которое они считали отсталым и нуждающимся в руководстве. У революционеров были причины презирать феодальное прошлое, погрязшее в бедности и неравенстве, с которыми они надеялись покончить навсегда, но у них были основания подозревать, что демократия просто возвратит старый порядок. Революционные лидеры государств, недавно получивших независимость, нельзя обвинять в ненависти к своему колониальному прошлому и экономическому застою. Однако понимание хода исторического развития и логики их приверженности модернизму не позволяет умолчать об огромном ущербе, понесённом в результате соединения их убеждений с авторитарной государственной властью.

В конечном счёте Скотт предлагает рассматривать всю европейскую историю последних трехсот лет как трагедию. Суть трагедии в том, что интеллектуалы и планировщики приписывали себе качества всеведущего бога и стремились улучшить условия человеческого существования на основе прогресса и рационального порядка. Высокий модернизм базируется на вере в прогресс и рациональный порядок. Эта вера воплощается до сих пор в различных обличьях: в колониальных путях развития; спланированных городских центрах на Востоке и на Западе; коллективных хозяйствах; планах Всемирного банка; переселении кочевников и управлении рабочими за дверями фабрик. Эти трагедии выходят за пределы противоположности между капитализмом и социализмом.

В государствах бывшего социалистического блока и в странах третьего мира имперские схемы приносили разрушительные человеческие и природные потери. Авторитарная власть подавляла сопротивление и толкала вперёд государственные проекты. Раньше порядок и гармония приписывались единому Богу. Теперь они были заменены верой в идею прогресса, за которую ручались учёные, инженеры и планировщики. Их компетентность меньше всего оспаривалась в период войн, революции, экономического кризиса или борьбы за независимость. Но все эти планы базировались на схемах стандартизации, которые были изобретены в Европе XVII и XVIII вв. с целью укрепления абсолютной власти. Однако в XX в. был полностью обновлён не только масштаб планов всеобщего социального преобразования, но и средства государственного управления: переписи, кадастровые карты, удостоверения личности, статистические бюро, образование, средства массовой информации, органы безопасности. Всё это позволяло им идти по намеченному пути гораздо дальше, чем мог мечтать любой монарх XVII в. В результате множество политических трагедий XX в. прошло под лозунгом прогресса, освобождения и реформирования.

Для обоснования этого общего вывода Скотт пересматривает распространённые представления о невежестве, называет установившуюся в СССР систему планирования «планированием для абстрактных граждан», критикует процедуру разложения действительности на составляющие части. Суть состоит в том, что государственная организация производства и

социальной жизни направлены на ослабление навыков, сноровки, инициативы и боевого духа индивидов. Государство порождает институциональный невроз. Авторитарная социальная инженерия и властные технологии нанесли и наносят до сих пор непоправимый вред всем формам взаимодействия и практики, которые присущи метису. Поэтому следует признать научную истинность и политическую справедливость классического анархистского постулата: государство с его позитивными законами и центральными учреждениями подрывает способность граждан к автономному самоуправлению, порождает хрупкую и недолговечную институциональную законность, обедняет местные источники экономического, социального и культурного самовыражения.

VII.

Нетрудно убедиться, что концепт метиса позволяет существенно уточнить подход Ч. Тилли и Р. Гудина к проблеме политического контекста. Для политической науки важна констатация Скотта: в дипломатии и политике господствует метис. Генерал и политический деятель находятся в постоянном взаимодействии с коллегами, каждый из которых пытается надуть другого. В этой связи Скотт ссылается на исследования Ч. Линдблома и А. Хиршмана. Признавая сложность социальной политики, Чарльз Линдблом ввёл в речевой обиход выражение «наука выкарабкивания», пытаясь с его помощью выразить сущность практического подхода к крупномасштабным политическим проблемам, которые не могли быть полностью понятыми, поскольку структуры государственных служб неявно допускали предсказуемость политического действия. А на практике знание всегда ограничено и фрагментарно, средства никогда не могут быть чётко отделены от целей. Поэтому политическая практика должна постоянно пересматриваться с помощью метода проб и ошибок и предыдущего опыта. Альберт Хиршман пришёл к тому же выводу, сравнивая социальную политику со строительством дома: «Архитектор социального переустройства никогда не сможет иметь надёжного проекта. Не только каждое здание, которое он строит, отлично от любого, уже построенного; в его строительстве обязательно используются новые материалы и даже эксперименты с не проверенными ещё на практике законами напряжений и принципами конструкции сооружений. Так что наибольшую пользу строители получают от осознания того, что только опыт позволит закончить данное строительство при других обстоятельствах» [Там же: 517–518]. Наиболее подходят к описанию метиса термины «угадывание» (а не «искусство предсказания») и «удовлетворительность» (а не «максимизация»).

Теперь поставим вопрос: как этот общий вывод можно соотнести с ситуацией в России? Надо учесть, что в настоящее время ситуация в России описывается множеством терминов.

Первая группа терминов содержит общие определения общества («нормальное», «переходное», «трансформационное», «православная цивилизация», «евроазиатская цивилизация»).

Вторая группа включает политические характеристики («монархия», «избираемая монархия», «патерналистское общество», «управляемая демократия», «суверенная демократия», «суперпрезидентская республика», «криминально-синдикалистское государство», «авторитаризм», «тоталитаризм», «путинизм», «демократическая форма царизма», «феодализм», «расколотое общество», «российская демократия»).

Третья группа описывает экономическую структуру российского капитализма («олигархический», «дикий», «криминальный», «клептоманный», «гангстерский», «хищный», «рыночный большевизм», «клановый», «незрелый», «капитализм джунглей», «корпоративное общество», «феодализм лавочников», «бюрократическо-олигархический», «номенклатурный», «управляемый бизнес»).

Четвёртая группа подчёркивает национальную идентичность («общество этнических русских», «евразийская нация», «интернациональная империя», «страна для всех живущих в ней народов», «часть западной цивилизации», «европейская нация»).

Пятая группа фиксирует положение России в мире («супердержава», «энергетическая супердержава», «сырьевой придаток развитых стран»).

В. Шляпентох проанализировал все эти термины и пришёл к выводу, что современная Россия является феодальным обществом во всех перечисленных сферах — социальной, политической, экономической, этнической, международной [Шляпентох 2008: 17–18]. Слабость государства, высокий уровень преступности и коррупции, важная роль личных отношений и частные службы безопасности в России могут быть поняты только с помощью феодальной модели. Мы полагаем, что это уточнение существенно при использовании и развитии концепта местного знания для анализа проблемы политического контекста. Речь идёт о пересмотре всей системы сложившейся государственной практики.

Макаренко В.П. 2011. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2011.1/04.pdf>. — Проверено: 12.12.2014г.

Макаренко В.П., Рюмшина А.И. 2013. Читая Джеймса Скотта: государственные факты и мелодия власти. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.4/contents.html>. — Проверено: 12.12.2014 г.

Мельвиль А.Ю. 2014. Политическая наука узнаёт больше, но о меньшем. — *Сайт Российской ассоциации политической науки*. — Доступно: <http://www.rapn.ru/in.php?part=1&gf=1623&d=4874&n=35&p=0&to=>. — Проверено: 12.12.2014 г.

Ослунд А. 2003. *Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока*. — М.: Логос.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*: Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. — М.: Университетская книга.

Шестопал Е.Б. 1999. Мировая политология в российском контексте. — *Политическая наука: новые направления*. Под ред. Р. Гудина и Х.Д. Клингеманна. Научн. ред. русского изд. проф. Е.Б. Шестопал. — М.: Вече.

Шляпентох В. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры*. — М.: Столица-Принт.

Шубин А.В. 2008. *Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975–1985 гг.* — М.: Вече.

Tilly Ch., Goodin R. 2006. It Depends. — Charles Tilly & Robert E. Goodin (Ed.). *Contextual Political Analysis*. — Oxford University Press. Oxford-New York.